

КОНЦЕПТЫ МАСКУЛИННОСТИ И ФЕМИНИННОСТИ В РУСЛЕ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА

С.А. ИЛЬИНЫХ,
Новосибирский государственный
университет экономики и управления
li.sa@mail.ru

Статья посвящена исследованию концептов маскулинности и фемининности с точки зрения социальной конструкции гендера и гендерной системы. Множественные концепты маскулинности и фемининности анализируются как в теоретическом, так и эмпирическом аспектах. Приводится авторская типология маскулинности и фемининности.

Ключевые слова: гендер, гендерная система, маскулинность, фемининность.

Исследование концептов маскулинности и фемининности с точки зрения гендерного подхода требует краткого изложения особенностей этого подхода, которое необходимо начать с понятия гендер. В настоящее время существует множество трактовок этого понятия. Понимание и использование самого понятия «гендер» весьма различно как у западных, так и у российских исследователей. В научном языке гендер употребляется в узком и широком смыслах: узкий сосредоточен вокруг анализа женской субординации, широкий употребляется для описания социальных характеристик пола в отличие от биологических. Интерпретация понятия гендер зависит от той исследовательской парадигмы, в рамках которой изучаются отношения мужчин и женщин. Мы разделяем точку зрения исследователей, которые рассматривают гендер в русле социально-конструктивистской парадигмы. Социальное конструирование гендера, по мнению Е. Здравомысловой и А. Темкиной, имеет три основных источ-

ника: концепцию социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, драматический интеракционизм И. Гофмана и этнометодологические исследования Г. Гарфинкеля¹.

Использование концепции социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана позволяет увидеть, что гендер является системной характеристикой социального порядка, которая постоянно воспроизводится и в структурах сознания, и в структурах действия. Социальный порядок существует только потому, что человек постоянно создает его в своей деятельности. П. Бергер и Т. Лукман приходят к выводу о парадоксальной ситуации: человек сам создает реальность, которую потом воспринимает не как человеческий продукт, а как нечто иное². Таким образом, концепция со-

¹ Здравомыслова Е.А. Темкина А.А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. – 1998. – № 3–4. – С. 173.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. – М.: Меддум, 1995.

циального конструирования реальности применительно к гендеру позволяет сделать вывод: с одной стороны, индивид воспринимает гендерные отношения как внешнеположенную данность, а с другой – сам создает эти отношения, усваивает и воспроизводит.

Драматургический интеракционизм И. Гофмана позволяет более отчетливо проследить, как в повседневности конструируются гендерные различия. Анализ микроконтекста социального взаимодействия позволяет понять, почему гендер в повседневных практиках воспринимается как нечто «естественное». По И. Гофману, в процессе взаимодействия друг с другом люди предполагают, что каждый участник процесса взаимодействия обладает «сущностной природой», «естественным», распознаваемым через «естественные знаки»³. Одним из таких «естественных знаков» является принадлежность по полу. Средства, которые используют для этого выражения принадлежности к полу, И. Гофман называет формальными конвенциональными актами. Совокупность формальных конвенциональных актов образуют *гендерный дисплей (проявление)*. Конструктивисты К. Циммерман и Д. Уэст считают, что гендерный дисплей работает не только в моменты переключения видов деятельности, но пронизывает все уровни человеческого взаимодействия⁴. Итак, драматургический интеракционизм И. Гофмана помогает увидеть, что при выражении принадлежности к полу «естественность» гендера обеспечивается множественными формальными конвенциональными актами, которые, по сути,

являются сложными, порой размытыми и незамечаемыми культурными кодами.

Этнометодология Г. Гарфинкеля позволяет понять, что создание гендера – это постоянная деятельность, которая является неотъемлемой частью обыденного взаимодействия. Создание гендера состоит в управлении ситуациями (независимо от их специфики) таким образом, чтобы поведение рассматривалось как гендерно соответствующее или гендерно несоответствующее.

Итак, три рассмотренные теории позволяют понять, что гендер – это мир повседневного взаимодействия мужского и женского, воплощенный в практиках. Это системная характеристика социального порядка, от которой невозможно отказаться. Она постоянно воспроизводится и в структурах сознания и в структурах действия.

Теория социального конструирования гендера нацеливает на то, что гендер – это не биологический пол, не совокупность личностных черт, не роль. *Гендер* – это специфический набор культурных характеристик, которые определяют социальное поведение женщин и мужчин, их взаимоотношения между собой⁵. Гендер относится не просто к мужчинам и женщинам, а к отношениям между ними и к способу социального конструирования этих отношений. Гендер показывает, что наряду с биологическими характеристиками пола существуют и оказывают значительное влияние на личность социальные характеристики: социальные нормы, роли, статусы, стереотипы, установки, правила поведения, психологические особенности.

³ Уэст К., Циммерман Д. Создание гендера (doing gender) // Гендерные тетради. – Выпуск первый: С.-Петербургский филиал Института социологии РАН. – СПб., 1997. – С. 106.

⁴ Там же. – С.100.

⁵ Клецина И.С. Психология гендерных отношений: теория и практика. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 71.

Таким образом, гендер создается социальной практикой, социальными стереотипами, нормами поведения людей в различных сферах жизнедеятельности, предписывающая выполнение определенных социологических ролей.

Следует обратить внимание на то, что гендерную проблематику эффективнее рассматривать при сочетании двух концепций: теории социальной конструкции гендера и теории гендерной системы. Концепция социального конструирования гендера рассматривает гендерные отношения на микроуровне, а теория гендерной системы концентрируется на структурных факторах, определяющих рамки гендерных отношений. Сочетание этих подходов позволяет анализировать взаимодействия мужчин и женщин на микро- и макроуровне.

Гендерная система – это институты, поведение и социальные взаимодействия, которые предписываются в соответствии с полом. Она включает три взаимосвязанных компонента: социальную конструкцию гендерных категорий на основе биологического пола; половое разделение труда, в соответствии с которым мужчинам и женщинам приписываются разные задачи; социальную регуляцию сексуальности, позитивно оценивающую одни формы сексуальности и негативно – другие⁶.

Впервые термин *пологендерная система* использован американской исследовательницей Гейл Рубин в статье «Торговля женщинами». Рубин определяет пологендерную систему как набор механизмов, с помощью которых общество преобразует биологическую сексуальность в продукты человеческой деятельности⁷. Фактически

пологендерная система является системой власти и доминирования, цель которой – концентрация материального и символического капитала в руках мужчин, отцов. Шведская исследовательница Ивонн Хирдман рассматривает гендерную систему как совокупность отношений между мужчинами и женщинами, включающую представление, неформальные и формальные правила и нормы, определенные в соответствии с местом, целями и положением полов в обществе⁸. Хирдман описывает гендерную систему как совокупность *гендерных контрактов*.

Австралийский исследователь Роберт Коннелл выделяет три относительно независимые «структурные модели» гендерных отношений, описывающие гендерную систему⁹. Первая модель охватывает труд и экономику, т. е. социальное разделение труда между полами в сфере публичной экономики и домохозяйства. Вторая модель описывает отношения в сфере политики. Третья модель относится к сфере эмоциональных и сексуальных отношений, которую Коннелл обозначает термином *катексис* (cathexis – англ.). Эти три сферы – труд и экономика, политика, сфера эмоциональных отношений – создают условия гендерного режима, определяют правила игры в разных контекстах, находят свое выражение во множественных практиках уместной и поощряемой мужественности, как считают

министских текстов: переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 91.

⁸ Hirdman Y. The Gender System / T. Andreasen, et al. (eds.) // *Moving on. New Perspective on the Women's Movement*. – Aarhus Univ. Press. 1991. – P. 208–220.

⁹ Коннелл Р. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов: переводы / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 250–280.

⁶ Renzetti C. & Curran D. *Women, Men, and Society*. – Boston: Allyn & Bacon, 1992. – P. 2, 16.

⁷ Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия фе-

Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина. Позднее Р. Коннелл отказывается от использования термина «гендерная система», предпочитая ему термин *гендерная композиция*.

Итак, согласно подходу Р. Коннела, гендерная система, или гендерная композиция, – это система структурных возможностей для старых и новых практик, которая охватывает три основные сферы – труд и экономику, политику, сферу эмоциональных отношений. Три сферы структурных возможностей создают условия гендерного режима.

Для нас в большей мере интересна отечественная гендерная система, поскольку в ней представлены характерные для России условия гендерного режима. Если рассмотреть ее в исторической ретроспективе, то можно увидеть, что гендерная система советского общества отличалась жестким государственным регулированием повседневной жизни советских людей, их жизненных стратегий, которое-то и определяло возможности действия как в публичной, так и в приватной сфере. Гендерную систему советского общества исследователи называют *этакратической* и *патримониальной*. В этакратической гендерной системе советского общества доминировал тип гендерного контракта, который А. Темкина и А. Роткирх обозначают как *контракт работающей женщины*¹⁰. Этакратический гендерный контракт «работающая мать» проявлялся в образцах воспитания детей, воспроизводился системой общественного разделения труда, поддерживался социальной политикой партии-государства и его идеологически-

ми структурами. Такой гендерный контракт подразумевает обязательность «общественно полезного» труда советских женщин и обязательность выполнения миссии матери как женского природного предназначения и гражданского долга.

Для позднесоветского периода характерен кризис советской гендерной системы, который проявился, в частности, в дискурсах о кризисе маскулинности и кризисе совмещения ролей женщинами.

Важно обратить особое внимание на динамический аспект в гендерной проблематике. Сегодня, в постсоветский период, вместе с трансформацией советского общества, обусловленного изменением отношений собственности, происходят преобразования и в гендерной системе: в сфере труда и экономики, политики, сфере эмоциональных отношений. Но изменения гендерного порядка в России определяются не только происходящими структурными изменениями, но и исходным контекстом гендерных отношений.

Нужно отметить, что преобразования в сфере труда и экономики, политики очевидны. Сегодня можно говорить о том, что женщины все чаще занимают позиции топ-менеджеров и политиков самого высокого уровня. Яркими примерами для России выступают фигуры Елены Батуриной, Валентины Матвиенко, Татьяны Голиковой и др. Преобразования в сфере эмоциональных отношений могут быть не столь очевидны, но все же наиболее заметными являются такие изменения: женщины все чаще проявляют «мужскую» агрессивность, жесткость, гневливость, а мужчины, напротив, «женскую» чувствительность, sentimentalность, сомневаемость.

Эти и другие преобразования гендерной системы, по нашему мнению, тесным

¹⁰ Rotkirch A., Temkina A. The Fractured Working Mother and Other New Gender Contracts in Contemporary Russia // Acta Sociologica. 1996; Rotkirch A., Temkina A. Soviet Gender Contracts and Their Shifts in Contemporary Russia // Idantutkimus. – 1997. – № 4. – P. 6–24.

образом оказываются связанными с концептами маскулинности и фемининности.

В самом общем виде *маскулинность* и *фемининность* представляют собой набор установок, ролей, норм поведения, иерархию ценностей, свойственных соответственно мужскому и женскому полу в каждом конкретном обществе.

Как и другие гендерные категории, концепты маскулинности и фемининности множественны. Так, Р. Коннел, австралийский социолог, один из исследователей маскулинности, сделал вывод о разграничении разных типов маскулинности, имеющих место в реальности, и определении среди них стереотипа гегемонной маскулинности (*hegemonic masculinity*). Согласно теории гегемонной маскулинности, хотя в любом мужском сообществе существует не один, а несколько типов маскулинности, на вершине этой иерархии обычно стоит тип личности, для которой характерны утверждение мужской власти над женщинами и подчиненными мужчинами, культ физической силы, склонность к насилию, эмоциональная невыразительность и высокая соревновательность¹¹.

И.С. Кон рассматривает гегемонную маскулинность не как свойство конкретного мужчины, а как социокультурный определенный нормативный канон, на который ориентируются мужчины и мальчики¹². Эта нормативная структура обеспечивает мальчику или мужчине, который предположительно обладает этими качествами и раз-

деляет эти ценности, положение на вершине гендерной иерархии. Как указывает М. Киммел, Р. Коннел критически относится к тому, что гегемонная версия маскулинности воспроизводится как «нормальная»¹³.

Наряду с гегемонной маскулинностью Р. Коннел и И. Кон выделяют и такую маскулинность, как «маскулинность соучастников»¹⁴, или «соучаствующую маскулинность»¹⁵. «Соучаствующая маскулинность» (*complicit masculinity*) – это модель поведения тех мужчин, которые не прилагают усилий, чтобы занять гегемонную позицию из-за недостатка сил или желания. Через соучаствующую маскулинность они занимают подчиненную, вспомогательную роль, но при этом пользуются преимуществами в этой иерархической системе. Нужно отметить, что исследователи выделяют также ряд других маскулинностей, рассматривая их в более широком аспекте. Так, И.Н. Тартаковская в работе «Маскулинность и глобальный гендерный порядок» касается таких типов, как «фронтирная», «классическая колониальная», «глобальная», «транснациональная» и иные маскулинности¹⁶.

В дополнение к разработанным выше типам маскулинности автором статьи выделяется еще один тип маскулинности – «естественная» маскулинность. С точки зрения социологии *естественная маскулинность* – это совокупность норм и представлений,

¹³ Киммел М. Гендерное общество: пер. с англ. – М.: Российская полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – С. 152.

¹⁴ Connell R.W. Masculinities. Cambridge-Oxford, 1995. – P. 79.

¹⁵ Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире // <http://www.sunhome.ru/psychology/12792/p1>

¹⁶ Тартаковская И.Н. Маскулинность и глобальный гендерный порядок // <http://www.gender.ru/pages/resources/publications/common/2006/01/32.php>

которая отличается от «нормативных эталонов мужественности» большей вариативностью моделей мышления и поведения мужчин, уходом от стереотипного образа «настоящего мужчины» к образу «естественного мужчины».

Как нам представляется, с социологической точки зрения в концепте маскулинности можно выделить своего рода два крайних варианта – *гегемонную* и *естественную* маскулинности. *Гегемонная маскулинность* – это жизнь в соответствии с мужским хабитусом лидерства, власти, первенства. Хабитуализация сопряжена с закреплением в языке гендерных стереотипов. Постоянно воспроизводимые мужчинами и женщинами, они как бы «спивают» мужской хабитус. *Естественная маскулинность* – это жизнь в соответствии с мужским хабитусом, в котором имеет место снятие разного рода ограничений, накладываемых гегемонной маскулинностью. Сюда относится и право на эмоциональность, и признание за мужчиной права быть неуверенным, обеспокоенным будущим, и возможность иного отношения к семье, к детям.

Современные тенденции таковы, что в рамках социологии многозначностью фемининности исследователи пока не занимаются так же основательно, как в отношении маскулинности. В связи с этим мы можем предложить некоторые авторские варианты фемининности, не претендуя на завершенность и полноту. Укажем, что не вполне корректно было бы выделение типов фемининности, аналогичных типам маскулинности. Здесь имеют место свои особенности.

По нашему мнению, можно выделить *нормативную фемининность*, которая соответствует женскому хабитусу с ориентацией на традиционно закрепившиеся в об-

щественном сознании женские ценности. К таковым в первую очередь относятся ценности семьи и материнства. В соответствии с ними выстраиваются все модели женского поведения. Ориентация на семью и материнство так или иначе сказывается и на чертах характера: конформности, эмпатичности, доброте, простоте, заботливости.

Другим типом можно назвать *инфантильную фемининность*. В этом типе женщины поведенчески берут инициативу в свои руки, пытаются занимать активную лидерскую позицию и быть самодостаточными. В чертах характера можно наблюдать отсутствие конформизма, стремление контролировать других, недостаток эмпатии, элементы нетерпимости. Но все же главной особенностью инфантильной фемининности можно считать то, что ценности семьи и материнства совсем не занимают у них ведущего положения. Такие женщины являются инфантильными в аспекте семейно-материнских установок, несмотря на свою активность и стремление к лидерству. Инфантильность развивается не в силу неспособности реализовать себя в качестве жены и матери, а из-за отсутствия влиятельных образцов нормативной фемининности в ближайшем окружении.

Еще одним типом можно считать *инверсионную фемининность*. Фактически женщины с этим типом фемининности обладают чрезмерной маскулинизацией. В данном случае уместнее использовать термин «инверсионная» (от лат. *inversio* – переворачивание, перестановка), а не «маскулинная» фемининность в силу того, чтобы заострить внимание на радикальных изменениях нормативной фемининности. В чем состоят эти трансформации? Во-первых, инверсионная фемининность – это жизнь в соответствии с хабитусом уверенности в себе, большей

степени личностной автономности, независимости во взглядах и поведении, низкой конформности. Женщины, обладающие такой фемининностью, нередко вспыльчивы, склонны к гневу, злобе, эмоциональной неустойчивости. Они утрированно деловиты и активны, себя обеспечивают самостоятельно. Модель поведения в соответствии с этим типом фемининности отражает умение женщины сознательно планировать свою жизнь, что обуславливает ее эмоциональную насыщенность, а также веру в собственные возможности. Их поведение и черты расценивается окружением как «мужские». Во-вторых, трансформации сопровождаются появлением авторитарных черт характера, дефицитом эмоционального сочувствия, близости. В-третьих, к числу проблемных сторон этого типа фемининности относятся сложные отношения с мужчинами и детьми. Молодые женщины вообще предпочитают избегать семьи, мужчин, материнства. И в данном случае дело не в отсутствии образцов нормативной фемининности, а именно в инверсии – переворачивании стереотипов, касающихся «женщин» и «женского». Итак, *инверсионная фемининность* – это жизнь в соответствии с хабитусом независимости, целеустремленности, неконформности, уверенности в себе, деловитости, трудоголизма, профессионализма, гордости, амбициозности, агрессивности, соревновательности, в том числе с мужчинами.

Другим типом, с нашей точки зрения, является также *деформированная фемининность*. Женщины с таким типом имеют модели поведения, которые сопряжены с алкоголизмом, наркоманией, отказом от своих родившихся детей и другими деструктивными паттернами. Эти женщины могут даже иметь черты характера, внеш-

не соответствующие нормативной фемининности, однако по содержанию противостоящие им. К примеру, отказываясь от детей (оставляя их в детском доме, бросая на произвол судьбы и т. д.), представительницы деформированной фемининности, с одной стороны, отдают себе отчет, что только женщина может выполнить необходимую для общества функцию деторождения и материнства, но, с другой стороны, они не имеют ценностных ориентаций нести ответственность за своих детей. Деформация фемининности проявляется не столько в том, что материнство не только не занимает приоритетного положения, сколько в отсутствии такой важной потребности, как стремление личности к самореализации, воплощено в потопстве себя, своих помыслов и идеалов. В данном случае можно предположить то, что появление такой фемининности связано с крайней выраженностью влияния гендера.

И, наконец, можно выделить такой тип, как *андрогинная фемининность*. Модели поведения в соответствии с этой фемининностью отличаются достаточно высоким уровнем сочетания и «женского», и «мужского». Женщины, у которых наблюдается достаточно высокий уровень андрогинной фемининности, имеют большую степень спонтанности и эмоциональной насыщенности жизненного процесса. Они могут выражать разные эмоции: и те, что «приличны» для нормативной фемининности (плакать, проявлять сентиментальность, бояться и т. п.), и те, что «приличны» для инверсионной фемининности (гневаться, быть вспыльчивой и т. д.). Женщины с андрогинной фемининностью отдают предпочтение таким качествам, как уравновешенность и рассудительность.

Итак, мы можем говорить о том, что трансформации гендерной системы сопровождаются появлением множественной маскулинности и множественной фемининности.

Иллюстрацией некоторых видов могут служить результаты проведенного нами исследования респондентов в организациях малого бизнеса в г. Новосибирске¹⁷. Изучение разных типов маскулинности нами осуществлялось с помощью ряда вопросов, в которых прямо или косвенно содержались конструкты.

Наличие **гегемонной и естественной маскулинности** подтвердилось в ряде случаев. Приведем лишь некоторые примеры.

При оценке высказывания «*Мужчины боятся потерять свою маскулинность (мужественность)*» мы получили следующее распределение: 40,4 % мужчин ответили отрицательно, а 31,6 % женщин – положительно. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что перед нами мужчины гегемонной маскулинности. Кроме того, интересны в данном случае и ответы женщин. Интерпретировать их ответы нужно не прямо, а опосредованно: мужчины не желают потерять не естественную маскулинность, а гегемонную. Отвечая положительно, женщины как бы выражают в скрытой форме социальные ожидания этой маскулинности от мужчин.

¹⁷ Выборочная совокупность составила 1354 респондента. Выборка формировалась на основе статистических данных, существующих в соответствии с «Общероссийским классификатором видов экономической деятельности» (ОКВЭД). Использовался двухступенчатый отбор. На первой ступени с помощью простого случайного отбора осуществлен выбор 43 организаций малого бизнеса, на второй – систематический стратифицированный отбор респондентов. Метод опроса – анкетирование.

Следующий стереотип затрагивал проявление маскулинности в профессиональной сфере. Чтобы проверить, имеет ли место конструкт, согласно которого от мужчин ожидается первенство, особенно в профессионализме, мы предложили респондентам оценить высказывание «*Мужчины боятся быть непризнанными как профессионалы*». Распределение ответов показывает, что 40,5 % женщин согласны с ним, а 32,2 % мужчин выражают полное несогласие. Однако в данном случае мы не можем игнорировать и другие ответы мужчин: 14,7 % мужчин полностью согласны с высказыванием и 20,1 % мужчин согласны частично. Если объединить полностью и частично согласных в одну группу, то можно увидеть, что примерно одна треть мужчин согласна с высказыванием, а другая треть респондентов имеет отрицательные ответы. Вероятно, за несогласившимися скрываются представители гегемонной маскулинности, а за согласившимися – представители естественной маскулинности.

Ряд высказываний отражает наличие гегемонной маскулинности. В стереотипах о гегемонной маскулинности отражается то, что «настоящий мужчина» не открыт в эмоциональном плане. Он не выражает эмоций, умеет сдерживать себя. Для проверки этого нами предлагалось оценить высказывание «*Мужчины хладнокровны*». Оказалось, что 39,3 % мужчин и 38,3 % женщин выразили свое частичное согласие, а не согласились 13,2 % мужчин и 17,5 % женщин.

Гегемонный мужчина всегда лидирует. Результаты показывают, что 52,5 % мужчин и 42,6 % женщин согласны с тем, что «Мужчина – прирожденный лидер, он должен занимать первые позиции». В пользу того, что «Мужчины обладают большим числом личных качеств руко-

водителя, чем женщины» высказываются 47,8 % мужчин.

Более проявлено наличие естественной маскулинности в высказывании «Мужчины менее интуитивны, чем женщины». С ним не согласны 37,3 % мужчин.

Но в большей мере проявление естественной маскулинности мы обнаружили изучая вопросы, связанные с работой и семьей.

Для мужчины с гегемонной маскулинностью на первом месте – работа, а для женщины с естественной – семья. Для того чтобы проверить это предположение, мы предложили респондентам ответить на ряд таких вопросов: «Работа является главным в моей жизни», «Для меня в равной степе-

ни значимы работа и семья», «Работа для меня – это возможность как-то разнообразить свою жизнь, она не занимает главное место», «Семья для меня занимает первостепенное значение, а на втором месте – работа».

Что касается первого вопроса, то можно отметить – работа не является главной сферой жизни ни для мужчин, ни для женщин. Исключение, пожалуй, составляют ответы молодых мужчин до 30 лет, имеющих высшее образование (44,6 %), и мужчин со среднеспециальным образованием в возрасте от 40 до 49 лет (38,9 %), которые и являют собой представителей гегемонной маскулинности (табл. 1)¹⁸.

Таблица 1

Распределение ответов при оценке мнений «Работа является главным в моей жизни» и «Для меня в равной степени значимы работа и семья» (%)

Образование	Мнение \ Возраст	Работа является главным в моей жизни		Для меня в равной степени значимы работа и семья	
		Пол респондентов			
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Среднее общее	до 30	21,1	20,0	36,8	35,0
Среднеспециальное	до 30	7,6	8,5	24,2	31,0
	от 30 до 39	21,4	3,3	35,7	53,3
	от 40 до 49	38,9	8,6	38,9	54,3
	от 50 до 59	–	6,9	–	37,9
Высшее	до 30	44,6	10,7	27,9	40,2
	от 30 до 39	25,0	10,6	26,9	44,4
	от 40 до 49	17,2	13,9	34,4	45,2
	от 50 до 59	–	16,1	–	51,8
Неполное высшее	до 30	20,5	11,0	32,6	27,5

Весьма показательны результаты четвертого мнения «Семья для меня занимает первостепенное значение, а на втором месте – работа» (табл. 2). Оказалось, что семья имеет приоритетное значение для мужчин с высшим образованием в возрасте от 40 до 49 лет (37,5 %), а также женщин со средне-

специальным образованием в возрасте от 50 до 59 лет (37,9 %).

Что же скрывается за полученными результатами? Как нам представляется, мужчины с высшим образованием в воз-

¹⁸ В табл. 2 и 3 мы включили ответы респондентов с относительной частотой более 10 %.

расте от 40 до 49 лет испытывают максимальное давление «рамок» конструкта гегемонной маскулинности. Они должны доказывать свою профессиональную состоятельность, находясь, как считается, в

самом продуктивном возрасте. Но полученные результаты со всей очевидностью демонстрируют и то, что мужчины пытаются противостоять нормативам маскулинности.

Таблица 2

Распределение ответов при оценке мнений «Семья для меня занимает первостепенное значение, а на втором месте – работа» и «Я беспокоюсь о будущем» (%)

Образование	Мнение \ Возраст	Семья для меня занимает первостепенное значение, а на втором месте – работа		Я беспокоюсь о будущем	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
	Среднее общее	до 30	15,8	15,0	10,5
Средне-специальное	до 30	34,8	36,6	36,4	26,8
	от 30 до 39	14,3	30,0	35,7	46,7
	от 40 до 49	5,6	25,7	33,3	45,7
	от 50 до 59	–	37,9	–	31,0
Высшее	до 30	11,5	27,6	32,8	27,1
	от 30 до 39	25,0	27,9	11,5	27,6
	от 40 до 49	37,5	31,9	12,5	41,7
	от 50 до 59	–	16,1	–	51,6
Неполное высшее	до 30	18,6	24,0	14,3	25,9

Интересно, что лишь 17,2 % этой группы мужчин указывают на важность работы (см. табл. 1). Таким образом, мужчины с высшим образованием в возрасте от 40 до 49 лет демонстрируют естественную маскулинность в изучаемом вопросе.

Маскулинность косвенно мы смогли оценить с помощью ряда высказываний, в которых содержалось отношение к будущему и настоящему. Так, распределение ответов при оценке «Я беспокоюсь о будущем» показывает, что более трети мужчин со среднеспециальным образованием всех возрастных интервалов, а также имеющих высшее образование в возрасте до 30 лет испытывают беспокойство от будущего (табл. 2). Как мы уже указывали, что для трети мужчин со среднеспециальным

образованием в возрасте от 40 до 49 лет и с высшим образованием в возрасте до 30 лет главной сферой является работа. Вероятно, именно с этой сферой связаны будущие опасения. Невозможность выступать финансовым обеспечителем семьи, несостоятельность в профессии, скорее всего, и вызывают страх. В данном случае мы можем говорить о том, что выявлены противоречивые состояния сознания, связанные с «ношей гегемонной маскулинности», ведь именно эти две группы мужчин на вопрос о работе отнесены нами к носителям гегемонной маскулинности. Не исключено, что мы имеем дело с сочетанием в сознании двух типов маскулинности, со смещением в гегемонную.

Показательно, что мужчины с высшим образованием в возрасте от 30 до 59 лет в меньшей степени обеспокоены будущим. Объяснить полученные данные можно, обратившись к результатам предыдущих вопросов. Именно эти категории мужчин отмечают либо равную значимость работы и семьи (обе возрастные группы мужчин), либо семья стоит на первом месте (мужчины в возрасте 40–49 лет). Итак, маскулинность, которая проявляется в приоритете работы, вызывает тревогу и озабоченность будущим. Но когда у мужчин сфера работы на равных сопряжена со сферой семьи, тревожные аспекты будущего уменьшаются. В данном случае, видимо, мы имеем дело с естественной маскулинностью.

Что же касается разных типов фемининности, то пока мы можем привести лишь некоторые корреляции, в которых, правда, не отражаются инфантильная и деформированная фемининности. Для того чтобы иметь представление о трех остальных типах феминности, воспользуемся результатами исследования Е.В. Ярославкиной¹⁹. Автор исследовала 350 женщин, предварительно с помощью опросника С. Бем распределил женщин на три типа гендерной идентичности: маскулинный, фемининный, андрогинный.

Если провести корреляцию этих типов идентичности с авторскими типами фемининности, то оказывается, что фемининная гендерная идентичность соответствует нормативной феминности, маскулинная гендерная идентичность – ин-

версионной феминности, андрогинная гендерная идентичность – андрогинной феминности.

Е.В. Ярославкина выявила, что для женщин с маскулинной идентичностью характерна направленность на ценности, познавательную сферу и креативность, самоуважение, что вполне соответствует нашему представлению об инверсионной феминности.

Для женщин с андрогинной и фемининной идентичностью характерна направленность на ценности, межличностные контакты, концепцию человека. Если преломить эти результаты к нашей типологии, то это означает, что нормативная и андрогинная феминности в большей мере человекоцентричны.

Для нас интересны и результаты кластерного анализа, который показал, что сходство в смысловой сфере в большей степени характерно для женщин с андрогинной и фемининной идентичностью (соответственно с андрогинной и нормативной феминностью). Это означает, что образы мира женщин с маскулинной и фемининной идентичностью (инверсионной и нормативной феминностью) имеют больше различий, чем у женщин указанных гендерных типов (феминностей) в сравнении с женщинами с андрогинной идентичностью (андрогинной феминностью).

Выделенные нами типы феминности, представленные в соответствии с типами гендерной идентичности, можно проиллюстрировать и с помощью факторного анализа на нейтральные, мужские и женские ценности. В табл. 3 отражена факторная структура, характерная для женщин с разной гендерной идентичностью – феминностью.

¹⁹ Ярославкина Е.В. Ценностно-смысловая сфера женщин с разной гендерной идентичностью: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. / Е.В. Ярославкина. – Южно-Сахалинск, 2009.

Таблица 3

Результаты факторного анализа ранжирования ценностей

<i>Факторная структура маскулинности-инверсионности</i>		
№ фактора	Название ведущих факторов	Вклад фактора (% общей дисперсии)
	Ведущие факторы (вклад общей дисперсии 60,92 %)	
1	Отдых (0,837), праздник (0,770)	20,42
2.	Счастье (0,783), успех (0,767), дружба (0,645), здоровье (0,539)	16,31
3	Творчество (0,692), учеба (0,590)	12,78
4	Семья (-0,842), ребенок (-0,769), спорт (0,655), жизнь (0,642)	11,70
<i>Факторная структура андрогинности</i>		
№ фактора	Название фактора	Вклад фактора (% общей дисперсии)
	Ведущие факторы (вклад общей дисперсии 52,28 %)	
1	Любовь (0,749), жизнь (0,664), развитие (0,578), отдых (0,546), учеба (-0,507)	16,83
2	Красота (0,746), дружба (-0,580), деньги (0,579)	12,77
3	Ребенок (-0,780), праздник (0,779), здоровье (0,650), творчество (-0,570)	11,81
4	Счастье (0,785)	10,87
<i>Факторная структура фемининности-нормативности</i>		
№ фактора	Название фактора	Вклад фактора (% общей дисперсии)
	Ведущие факторы (вклад общей дисперсии 65,61 %)	
1	Дом (0,793), праздник (-0,747), здоровье (-0,736), красота (-0,632), спорт (0,531)	22,91
2	Деньги (0,893), творчество (-0,792), отдых (0,683), счастье (0,595)	18,17
3	Успех (0,901), дружба (-0,774), развитие (0,719)	13,05
4	Семья (0,609), учеба (0,574), работа (0,551), свобода (-0,507)	11,48

Как видим, для женщин с инверсионной фемининностью ведущие факторы – отдых, праздник, успех, творчество, учеба,

спорт и т. д. А вот ребенок и семья имеют отрицательные корреляции.

Факторная структура андрогинности достаточно интересна. Здесь наряду с многими положительными корреляциями (любовь, отдых, здоровье и т. д.) имеют место и отрицательные корреляции, которые с позиции нормативной фемининности могут показаться необычными. Например, отрицательные корреляции, отражающие ценность ребенка. Но вместе с тем, сравнивая андрогинную фемининность с инверсионной фемининностью, можно также отметить нетрадиционные отрицательные корреляции в отношении учебы, дружбы, творчества.

И, наконец, мы можем говорить о том, что у женщин с нормативной фемининностью также имеются особенности. Как видим, праздник, здоровье, красота, дружба, свобода и др. имеют отрицательные корреляции.

Безусловно, сопоставление результатов исследования женщин с разной гендерной идентичностью и соотношение их с разными типами фемининности достаточно условно. Но вместе с тем в самом общем виде мы можем видеть различия в ценностях у трех групп женщин.

Подведем итоги. Мы выявили, что в русле гендерного подхода можно вести речь о множественной маскулинности и множественной фемининности. При этом важно понимать, что и мужчины и женщины не перестают быть представителями своего пола. Изменяются их модели поведения, которые в большей или меньшей степени отличаются от традиционных представлений о мужчинах и женщинах, «мужском» и «женском». Эти трансформации связаны с преобразованиями гендерной системы.

Что же касается концептов маскулинности, то на основании эмпирически по-

лученных данных можно говорить о появлении гегемонной и естественной маскулинности. Безусловно, от мужчин социальное окружение ожидает соблюдения норм гегемонной маскулинности. Она продолжает культивироваться как концепт силы, успеха, первенства. Но вместе с тем, эмпирически выявлены проявления естественной маскулинности. Здесь мужчины с высшим образованием демонстрируют ломку традиций. Кроме того, выявлены и противоречия у носителей гегемонной маскулинности. Стоит обратить также внимание на то, что в сознании мужчин не всегда доминирует один тип маскулинности в «чистом виде». Скорее всего, имеет место их сочетание в разных соотношениях.

Преобразования гендерной системы привели к появлению таких типов фемининности, выделенных автором, как нормативная, инфантильная, инверсионная, деформированная и андрогинная. Женщины с разными типами характеризуются своеобразной системой ценностей, в которой в зависимости от ведущих ценностей на первое место выдвигаются либо семья, дом, дети, либо карьера, свобода, творчество, либо их сочетание, либо безответственность за свою жизнь и жизнь других, либо инфантилизм. Хотя неисследованными остались инфантильная и деформированная фемининности и, возможно, другие типы маскулинности, но все же можно сделать вывод о трансформации гендерной системы. Ее изменения связаны с преобразованием, своего рода «поломкой» на микроуровне образцов взаимодействия, предписанных мужчине или женщине. А это означает медленное, но неизбежное изменение гендерного порядка и на уровне действий, и на уровне структуры. Под-

чиняясь общим закономерностям изменений, изменение гендерного порядка включает и положительные, и отрицательные аспекты. Стоит предположить, что со временем оно может привести к гармоничному взаимодействию мужчин и женщин и формированию адекватной маскулинности и фемининности.

Литература

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. – М.: Меддум, 1995. – 323 с.
- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. – 1998. – № 3–4. – С. 173–177.
- Киммел М.* Гендерное общество: пер. с англ. – М.: Российская полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 464 с.
- Клецина И.С.* Психология гендерных отношений: теория и практика. – СПб.: Алетейя, 2004. – 408 с.
- Коннел Р.* Современные подходы // Хрестоматия феминистских тестов: переводы / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 250–280.
- Коннелл Р.* Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Часть 2. Хрестоматия. – СПб.: Алетейя. – С. 251–279.
- Кон И.* Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг. Научно-теоретический журнал. – 2008. – № 4.
- Рубин Г.* Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов: переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
- Тартаковская И.Н.* Маскулинность и глобальный гендерный порядок // <http://www.gender.ru/pages/resources/publications/common/2006/01/32.php>
- Уэт К., Зиммерман А.* Создание гендера (doing gender) // Гендерные тетради. – Выпуск первый: С.-Петербургский филиал Института социологии РАН. – СПб., 1997. – С. 94–124.
- Ярославкина Е.В.* Ценностно-смысловая сфера женщин с разной гендерной идентичностью: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. / Е.В. Ярославкина. – Южно-Сахалинск, 2009.
- Кон И.С.* Мужчина в меняющемся мире // <http://www.sunhome.ru/psychology/12792/p1>
- Hirdman Y.* The Gender System / T. Andreasen, et al. (eds.) // Moving on. New Perspective on the Women's Movement. – Aarhus Univ. Press, 1991. – P. 208–220.
- Connell R.W.* Masculinities. Cambridge-Oxford, 1995.
- Renzetti C. & Curran D.* Women, Men, and Society. – Boston: Allyn & Bacon. 1992.
- Rotkirch A., Temkina A.* The Fractured Working Mother and Other New Gender Contracts in Contemporary Russia // Actia Sociologia. 1996.
- Rotkirch A., Temkina A.* Soviet Gender Contracts and Their Shifts in Contemporary Russia // Idantutkimus. –1997. – № 4. – P. 6–24.